

Кабала диктатуры пролетариата (или жизнь товарища Михаила Булгакова)

Это был человек несгибаемый. Я не встречала по силе характера никого, равного Булгакову. Его нельзя было согнуть. У него была какая-то такая стальная пружина внутри, что никакая сила не могла его согнуть, пригнуть. Никогда. Он всегда пытался найти выход.

Е. С. Булгакова

Предисловие автора

Теперь уже общепризнано, что Михаил Булгаков является одним из наиболее выдающихся писателей и драматургов XX века, и не только русскоязычных. Его произведения переведены на все основные языки, в разных странах изданы отдельные произведения и многотомные собрания сочинений. В театрах идут «Дни Турбиных», «Кабала святош», «Бег», инсценированы «Собачье сердце», «Роковые яйца», конечно, «Мастер и Маргарита» и др. По ним снимаются фильмы, телесериалы и т.п. Как-то забылось, что последние прижизненные публикации Булгакова на родине относятся к 1928 году. И до самой его смерти (1940) не было опубликовано ни строчки; только единственно во МХАТе шли «Дни Турбиных» по специальному разрешению Сталина.

Только через 30 лет после его смерти был опубликован с цензурными купюрами «закатный роман» «Мастер и Маргарита». И тут прорвало: конец XX века ознаменован многочисленными изданиями, театральными постановками, фильмами, статьями, диссертациями, воспоминаниями о жизни Михаила Булгакова, дневниками, конференциями и т.д. Оказалось, что не только его произведения, но необычная, странная судьба писателя, полная разгаданных и неразгаданных загадок, представляет не меньший интерес, чем его блестящие произведения. Судьба его причудливо вписала в себя самые сложные перипетии несчастной России, наглядно отобразила самые жестокие коллизии – гражданскую войну, голод и разруху начала 20-х, террор 30-х, сталинщину, наконец то, что назвали «булгаковщиной». Судьба его еще раз доказала, что история может повторяться от трагедии к фарсу и наоборот. Жизнь господина де Мольера, описанная им, оказалось разительно похожа на его собственную, зависящую от капризов Сталина, как Мольера от капризов Людовика.

На моей книжной полке стоит, по крайней мере, два десятка книг, сборников статей, подшивок газетных вырезок о Булгакове. Здесь его дневник, письма, воспоминания близких друзей и всех трех преданных, любимых, необыкновенно интересных жен, лубянской досье, два полных жизнеописания, театральные дела, «Булгаковская энциклопедия». Во всех этих материалах подробно описаны взаимоотношения М. Булгакова с МХАТом, его артистами и режиссерами, с НКВД- ОГПУ, со Сталиным, с Советской властью, друзьями и врагами писателями и критиками, с женами и другими женщинами, с Богом и нечистой силой. Все эти контакты, связи, разговоры отмечены его незаурядной личностью, юмором, сарказмом, прозорливостью, они необыкновенно интересны и поучительны.

Поражает порой его почти детская непосредственность, порой пронизательность, доходящая до феномена Нострадамуса, независимость и бескомпромиссность его высказываний, относящихся к страшным временам 30-х годов. Мне неизвестно, кто еще в советской стране позволял себе такое, и умер в своей постели.

Правда, он заплатил за все своей писательской судьбой, вернее полным цензурным запретом, что было для него страшнее смерти физической, и тем, что реабилитация опоздала почти на сорок лет. Но ничто не проходит бесследно: прежние запреты тяготеют над произведениями писателя в виде подцензурных изменений, работой «в стол», и над описаниями его судьбы, в которых устойчивые стереотипы мышления не исчезли с разрушением советской власти.

Во всех тщательно проштудированных мной материалах остались одни и те же загадки, недомолвки, «табу» на упоминание вполне определенных ситуаций и характеристик людей и времени. И не было бы смысла писать эту пьесу, если бы я не осмелился перешагнуть через эти запреты, оправдываясь тем, что пришло новое тысячелетие, и почти не осталось тех, чьи жизненные пути так или иначе пересеклись с Булгаковым.

Эта пьеса возвращает вас в то «настоящее время», когда ее герои просто жили, не поделенные на гениев и обывателей, боролись за признание, зависели от сиюминутных побед и поражений. Я попытался отрешиться от стереотипа описывать этих, впоследствии возведенных на пьедесталы писателей, как дружно поддерживающих друг друга борцов с режимом, боже сохрани, не склочничающих и не ругающихся между собой.

Я попытался понять, как человек, выросший не просто в религиозной семье, но отец которого был профессором духовной академии, стал воинствующим атеистом.

Я попытался понять, как человек высоких моральных принципов запросто менял одну за другой верных и преданных жен ради своих писательских интересов.

Я попытался понять как из заштатной газетки «Гудок» выкристаллизовались лучшие советские писатели, короли юмора и сатиры.

Я попытался понять, как человек, глубоко верящий Сталину, оказавшему ему поддержку в трудную минуту, так и не смог в течении десятилетий пробиться через цензурные запреты, когда, казалось бы, такое покровительство обеспечивает «зеленую улицу» в литературе и театре. Как он вообще выжил в 30-е годы, находясь «под колпаком» ОГПУ, при досье, десятой доли которого хватило бы на расстрелы даже менее заметных личностей.

Догадки мои основаны на том, что я теперь избавлен от заблуждений того времени, в отличие от живущих тогда людей и самого Булгакова. Теперь-то мы знаем, что Сталин не был Богом, а был весьма коварным и самовлюбленным человеком, вообще не знающим никаких моральных принципов. В последнее время появились публикации его бывших любовниц, которых он выбирал среди артисток, балерин и певиц. В отличие от Била Клинтона, это не грозило ему абсолютно ничем, и он позволял себе широкие жесты в виде квартир, ролей и индulgенций от ареста. Конечно, никто, как говорится, свечку им не держал. Но факты вознесения артистки, возможность играть в любимом спектакле любимую роль в пьесе, которая разрешена только в единственном ее театре, упорный отказ Булгакову в заграничной поездке, поскольку его эмиграция или арест

автоматически снимают эту пьесу с репертуара, посещение Сталиным этого спектакля 15 раз...Попробуйте найти другое объяснение. А Булгаков все ждал встречи, надеялся решить все проблемы, жил этим телефонным разговором с вождем и ожил, благодаря ему. Но встречи не было. И разрешения на постановки не было. Булгаков вовсе не был в сфере интересов вождя; тот просто забыл о каком-то писателе, сменив любовницу.

Отсюда возникает очень простое, чисто бытовое объяснение загадки Сталин-Булгаков, вовсе необъяснимой с политических или идеологических позиций, которыми все биографы оперируют 40-70 лет спустя. Я думаю, что не сильно согрешил против истины, поскольку даже реплики Сталина во время любовного свидания взяты из воспоминаний певицы Веры Давыдовой, также любовницы Великого вождя. Я считаю, что литература и театр имеют право на логичный домысел, как это доказал А.Пушкин в трагедии «Моцарт и Сальери» и сам Булгаков в пьесе о Мольере «Кабала Святош».

Писатель Михаил Булгаков, затравленный цензурой и коллегами-драматургами, написал письмо Сталину, которому очень нравилась идущая во МХАТе пьеса Булгакова «Дни Турбиных». И случилось чудо: Сталин позвонил Булгакову и устроил его помощником режиссера во МХАТ. Хотя цензурный запрет на произведения Булгакова этот звонок не отменил, все же поддержал его морально и материально, так что Булгаков, хотя и не выездной и не печатаемый, мог продолжать писать свой «закатный роман «Мастер и Маргарита», делать инсценировки и т.п. Все это вдохновило Булгакова на разыгрывание перед друзьями шуточных инсценировок, в которых он имитировал голос Сталина себе по телефону, а также розыгрыши друзей на ту же тему.

Кроме нескольких логически необходимых эпизодов, не только все ситуации, случаи, диалоги, как и этот розыгрыш, почерпнуты из описаний реальной судьбы писателя, но и большая часть реплик конкретных персонажей являются подлинными высказываниями самого Михаила Булгакова и окружающих его реальных людей. Разумеется, законы сцены диктуют неконтролируемые смещения во времени и пространстве. Но искрометный юмор высказываний, нетривиальность ситуаций сделали задачу автора достаточно простой и отвели ему весьма скромную роль собирателя цитат. Тем не менее, как показывает реакция знакомившихся с пьесой людей, она представляет гораздо больший интерес, чем выдуманные ситуации в фантастических и детективных произведениях. Как говорил Санчо Пансо Дон Кихоту в инсценировке Булгакова, «моя дама живет на свете, и уже поэтому она прекрасней Вашей». Здесь все было на самом деле, несмотря на использование некоторых мистических сцен в духе Булгакова. Картины пьесы названы «снами»: их 8, как и «Беге» Булгакова.

Автор будет счастлив познакомиться с критическими замечаниями читателей, а возможно, когда-нибудь и зрителей этой пьесы.

Пьеса в 2-х действиях, 8-ти снах

Действующие лица

Михаил Афанасьевич Булгаков – великий русский писатель и драматург

Иосиф Виссарионович Сталин, он же Понтий Пилат

Алексей Николаевич Толстой, он же иностранный консультант

Афанасий Иванович Булгаков, отец писателя

Жан Батист де Мольер

Алла Константинова – артистка МХАТ

Писатели: Валентин Катаев

Илья Ильф

Евгений Петров

Владимир Маяковский

Татьяна Николаевна Лаппа – первая жена М.А.

Любовь Евгеньевна Белозерская – вторая жена М.А.

Елена Сергеевна Булгакова – третья жена М. А., она же Маргарита

Шиловский Евгений Александрович - генерал, муж Елены Сергеевны

Славкин - следователь ОГПУ

Головы А.Жданова и М. Сулова в адском котле

Понятые при обыске: Швондер и Иванова

Текст пьесы в значительной степени основан на подлинных высказываниях реальных персонажей, опубликованных в документах, письмах, воспоминаниях, дневниках и произведениях.

Действие первое

Сон первый

Редакция газеты «Гудок». И. Ильф и Е.Петров диктуют машинистке Аннушке.

Петров: На бывшей соборной площади Старгорода стояла конная статуя профессора Тимирязева.

Ильф: Рука его была вытянута вперед и держала за хвост свеклу неестественной длинны, которая заменила саблю, когда выяснилось, что Тимирязев не герой гражданской войны, а простой профессор биологии.

Петров: Погоди, Илья. Аннушка, как мы озаглавливали фельетон?

Аннушка: Вчера он назывался «Соответствующие оргвыводы».

Ильф: Женя! Что-то мы совсем размагнитились. Как мы будем выползть из статуи Тимирязева? Аннушка, начинаем с чистого листа.

Аннушка: На вас, мальчики, ни бумаги, ни терпения не напасешься.

Петров: Ну и жизнь у Вас, хуже солдатской.

Аннушка: Я живу хорошо, но надеюсь на лучшее.

Входит В.Катаев: О чем, товарищи, разговор?

Ильф: Мэтр! Интересно, куда это вы вчера умотали вместе с Булгаковым?

Катаев: Мы наскребли на ужин у Таси всего три рубля, и пришлось бежать в казино на Триумфальную, чтобы добавить.

Петров: Неужели выиграли?

Катаев: Червонец. Мне в карты везет, а вот в любви трудности. Леля Булгакова завтра уезжает обратно в Киев. Наш червонец мы разменяли у Елисеева и Гася устроила роскошный прощальный ужин.

Петров: Не загибай, братец. Съесть вчетвером червонец можно за час. А где ты был всю ночь?

Катаев: Мы с Лелей пошли целоваться к Храму Христа-Спасителя. Потом пошли в парк.

Аннушка: Так Вас уже можно поздравить! Вы теперь должны жениться, как честный человек.

Катаев: Если бы! Как назло нас спугнули какие-то пионеры с горном и барабаном. Это было уже утром.

Входит М. Булгаков: Как живете, караси?

Все хором равнодушно, продолжая заниматься своими делами: Ничего себе, мерси.

Ильф: Миша, так Вы по ночам играете в казино. Теперь понятно, почему Вы тогда не явились на манифестацию. А ведь подписку давали.

МБ: Проспал. Я даже записку на столе оставил, чтобы разбудили. Да, видно, не сумели.

Катаев: Надо было указать будущему: «Ткнуть под ребро». Никак Вы не можете вписаться в современную эпоху.

МБ: Как это не могу вписаться?! Я, граждане, вписался замечательно, скажу без ложной скромности. Трудовую книжку в три дня добыл, в очереди стоял всего 3 раза по 6 часов, а не 6 месяцев, как всякие растяпы, не буду указывать на них пальцем.

Петров: Так Вы, Миша на все способны: нет стола – пишете на манжетах. А мы-то явились из прекрасного далека и Москву еще не знаем.

МБ: Не из прекрасного далека я изучал Москву. О нет! Я истоптал ее в поисках службы вдоль и поперек. Я пешком поднимался на все 6-е этажи, поскольку в Москве нет ни одного 6-го этажа, где бы не было какого-нибудь учреждения. Теперь еду на извозчике по какому-нибудь Кривому переулку в гости к Юрию Николаевичу Олеше и смотрю: Ишь, домина! Позвольте, да я же в нем бывал на 6-м этаже.

Петров: Посмотрите, Миша, там у вас на столе очередная анкета. Прислали опять с коварными вопросами.

МБ (читает): Считаете ли Вы нужным в настоящий момент применять ударную форму работы, предпочитая ее углубленным формам работы. Пишу: «в некоторых случаях». Какой вопрос, такой и ответ.

Ильф: Вы лучше послушайте манифест, опубликованный в «На посту». *(читает)* «Мы будем бороться с теми стародумами, которые в благоговейной позе, без должной критической оценки, застыли перед гранитными монументами старой буржуазно-дворянской литературы».

МБ: Литературы у них нет, а манифест о литературе – пожалуйста! Советская литература выйдет из «Гудка».

(Входит В.В.Маяковский)

Маяковский: Вы, Булгаков, мне вчера 3 партии подряд на биллиарде профукали. Чем будете расплачиваться?

МБ: Я вам, Володя, дам рекомендацию для Главреперткома, когда напишете пьесу, как собирались.

Маяковский: С Вашей рекомендацией, Булгаков, можно идти в Главрепертком, как с красным флагом на быка.

МБ: Как хотите. В борьбе с цензурой писатели должны объединяться. Давайте друг другу помогать. Вот мне для сатирической повести срочно нужно придумать фамилию ученого-биолога. Вы, Илья, мастер на такие вещи.

Ильф: Пожалуйста, дарю: Мейерович-Доченькин, Изнуренков, Ананаскин.

Маяковский: Тимерзяев.

МБ: Спасибочки. Тимерзяева беру. Ананаскин? . . . Может быть Персиков? Ладно, посмотрим.

Маяковский: Ну. Проигрыш на биллиарде еще не повод для классовой борьбы, как и выигрыш – для классовой поддержки. А драму я написал, пролетарскую комедию. не Вашей интеллигентской размазне чета. Называется «Клоп». Ее уже Мейерхольд берет.

МБ: Я Вас поздравляю. Мейерхольд может отмочить любую гнусность. Это человек настолько беспринципный, что чудится, будто на нем нет штанов. Он ходит по белу свету в подштанниках.

Маяковский: Я еще и для Таирова в «Камерный» напишу.

МБ: Таиров уже лежит с капустным листом на голове.

Катаев: Драмоделы! Не надо колебать мировые струны. Драматургию, как и просвещение, следует вводить, по возможности, без кровопролития.

Маяковский: С Булгаковым без кровопролития нельзя. Он сам в «Белой гвардии» мешками кровь проливал. Адье. *(уходит, хлопнув дверью.)*

МБ (читает в газете): «В Кавказских горах произошел очередной инцидент. Группа диких террористов напала на красноармейскую заставу и сожгла ее.» И поделом. Не жги аулов.

Катаев: Не любите вы, Миша, ни Красную Армию, ни пролетариев умственного труда. Чем они Вам не нравятся?

МБ: Мне не нравится, что пролетарий умственного труда, не имеющий ни квартиры, ни денег, а только кепочку и червонец, выигранный у нэпмана, соблазняет замуж наивную девочку, когда у Лели в Киеве приличный жених с квартирой. Чтобы жениться нужно иметь средства.

Катаев: Вы-то сами, Миша, кажется женились на Тасе, чтобы вывезти ее в глухое село Никольское Смоленской губернии. Потом переехали, кажется, в собственную виллу на Кавказе . . . Ну так ну?

МБ: По крайней мере, сейчас у меня норма: жилье, одежда, питание. А что у тебя, Валя? Есть хоть запасные кальсоны?

Катаев: А сколько пар кальсон нужно иметь, чтобы жениться на сестре Михаила Булгакова?

МБ: Вы будете жить на паперти храма Христа-Спасителя? Ты разве не знаешь, скольким влюбленным испортил жизнь квартирный вопрос в Москве?

Входит жена Булгакова Тася с кастрюлькой в руках.

Тася: Ребята! Я вам поесть принесла. Все же вчера осталось: колбаса, сыр, пирожки я напекла. Валя, берите,

Катаев: Что-то аппетита нет.

МБ: Тася! Иди домой. Видишь, мы заняты.

Петров: Мы разрабатываем основы брачного законодательства.

Тася: Миша! Скажи честно, ты что задумал?.

МБ: Тася, иди домой. Я тебя никогда не брошу.

(Тася уходит.)

Ильф: Ну что Вы, Миша, всех заводите? Все острите, а они обижаются не на шутку.

Аннушка: Кто взаправду любит, того опасно обижать. Не простят до смерти.

Ильф: А Ваше имя, Аннушка, станет бессмертным. Смотрите, сколько здесь мастеров; кто-нибудь обязательно вставит вас в свой роман.

Сон второй

Уголок Патриарших прудов. На переднем плане садовая скамейка. В углу киоск «Пиво-Воды» с крупной надписью «Пива не завезли». Летняя жара. Из репродуктора звучит романс.

Это солнце по-летнему жгучее,
Приносящее свет и тепло,
Тебе скоро, конечно наскучит,
Ты уедешь на север, назло.

Расставаясь, не спрячешь, не скроешь
Неуемную радость свою:
Хорошо после летнего зноя
Очутиться в прохладном краю.

И чем жарче объятия Юга,
Тем желанней суровый мороз.
Только ты позабыла, как вьюга
До костей пробирает насквозь.

Как швыряет снежинки колючие,
Как от ветра там трудно дышать,
И тогда тебе холод наскучит,
И захочется к солнцу опять.

Ты в свое одеяло пуховое
Завернешься тогда с головой,
И припомнишь, неверное, снова
Это желтое солнце и зной.

Будешь мерзнуть, и плакать, и мучиться,
И молить, чтобы снова взошло
Это солнце, по-летнему жгучее,
Приносящее свет и тепло.

По дорожке прогуливаются М. Булгаков и Люба Белозерская.

МБ: Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились двое. Люба, я тебя люблю. Давай поженимся.

Люба: Ты с ума сошел! Раз соблазнил женщину и уже требуешь, чтобы она вышла за тебя замуж.

МБ: Но тебе же все равно жить негде, Я даже уговариваю Тасю, чтобы ты пока, на время, переехала к нам.

Люба: Как написано в твоём фельетоне, «Чуден Днепр при тихой погоде, но еще чуднее» фантазия писателя Булгакова.

МБ: Вчера ушел от тебя под дождем грустный и как бы бездомный. С тобой мне и хорошо, и отчаянно, и сладко.

Люба: А куда ты денешь Тасю, которая всю жизнь выхаживала тебя в самые черные дни, в голодные годы. . .

МБ: Что же делать. Снимем комнату или Надя что-нибудь придумает. А Тасю я не обижу. Оставлю ей квартиру и денег буду давать. Ей все равно, ночью я у нее или нет.

Люба: Ей не все равно. Она обижается, что ты снял с «Белой гвардии» посвящение ей. Зачем ты поставил вместо нее меня, ведь роман написан при ней.

МБ: Это мое дело. Сердцу не прикажешь. И потом, могу я отблагодарить тебя чем-то.

Люба: Ты смотришь на меня, как на бабу.

МБ: Да, жадно смотрю как ты переодеваешься. Ужасное состояние, даже ревную. Чем-то мила и сладка. И толстая.

Люба: Привык дурака валять в своем «Гудке». Ты уже разговаривал с Надей?

МБ: Я сказал ей: «Найди нам с Любой жилье. Ты подумай только, что тебя ожидает в случае благоприятного исхода?»

Люба: А она?

МБ: Лисий салоп. Я говорю: «Ну, насчет салопы мы еще посмотрим. А вот ботинки с ушками обеспечены»

Люба: Маловато будет.

МБ: А мы добавим галоши.

Люба: *(вздыхает)*. Тебя нужно вводить в литературную среду. Кое-какие знакомства у меня имеются.

(На другом конце сцены появляются Алексей Толстой и Валентин Катаев).

Кстати вон идут сюда граф Алексей Толстой и Валя Катаев. Мака, ты обязательно должен поговорить с Толстым.

МБ: С этими я только позавчера водку пил. Трудовой граф чувствует себя хорошо, толсто и денежно.

(Толстой и Катаев подходят).

А.Толстой: День добрый. Москва такой маленький город, что кого только ни встретишь на Патриарших прудах в летний день. Михаил Афанасьевич, Вы в такой очаровательной компании. Представьте меня, пожалуйста.

МБ: Любовь Евгеньевна Белозерская. Это знаменитый международный писатель Граф Алексей Николаевич Толстой, неизменно приезжающий из заграницы. Сейчас он из Берлина, из редакции русского журнала «Накануне».

АТ: Рад познакомиться. Таких красивых женщин в Берлине нет и в помине.

МБ: Любовь Евгеньевна, граф опасный сердцеед, просто дьявол какой-то, знаток женских душ, как в жизни, так и в литературе. Берегитесь. И никогда не разговариваете с иностранными консультантами.

Люба: Я учту Ваши рекомендации, Михаил Афанасьевич. Жара невыносимая. Валя, Вы не напоите меня водой? Пива я не пью. Пойдемте к киоску, мелочь у меня есть.

Катаев: Боюсь связываться с Булгаковым. Он взялся регулировать мои интимные отношения. Ладно, пойдемте. А то Алексей Николаевич совсем не отпускает меня от себя. *(Отходят к киоску)*

АТ (отечески обнимает МБ за плечи): Михаил Афанасьевич, боюсь говорить при других писателях, но в Берлине, в редакции «Накануне», я постоянно прошу: «Печатайте побольше Булгакова». А Вы так скупно присылаете материал.

МБ: Я Вам бесконечно благодарен. Это меня очень поддерживает материально и морально. Но общение и переписка с ними меня очень утомляют. Должен признаться, компания исключительной сволочи группируется вокруг «Накануне». Можете меня поздравить, что и я в их среде. Мне исключительно трудно будет соскребать грязь со своего имени.

(Во время этой реплики МБ небо постепенно темнеет, изменяется цвет, вдали гремит гром и видны зарница. Из репродуктора звучит музыка Ш. Гуно из «Фауста». АТ преображается, надевает черные очки.)

АТ: Мне очень жаль, но у Вас такой характер, что я вижу Ваше будущее.

МБ: И что же Вы видите? Мне необходим такой консультант.

АТ: Иностраный консультант.

МБ: С копытом?

АТ: Ну что ж. В каком-то смысле, с копытом. Я же был сейчас в Берлине, а Вы за границей никогда не были и не будете. И печатать Вас перестанут, и пьесы не будут играть до самой Вашей смерти. Вы в судьбу верите?

МБ: Я сам ее себе определил и делаю.

АТ: К сожалению, это так и есть. Но зависть – страшная вещь, читайте Олешу. А все завидуют Вашему литературному таланту, Толстой в том числе. Ваши повести и пьесы замечательны, но оглянитесь вокруг, Вас плотным кольцом окружают коллеги. Не только Горький, Маяковский, Толстой, но и Катаев, Киршон, Афиногенов, Биль-Белоцерковский,

Раскольников, Луначарский, разумеется, Мейерхольд и другие уже видят себя на пьедесталах. А вы их и в грош не ставите, непрестанно показываете это.

МБ: Так ведь и я среди них. Я же писатель. Мастер. (иронично) Я же дослужусь хотя бы до члена МОССОЛИТа.

Ин.конс.: Нет не дослужитесь. Зачем вы на собрании писателей заявили, что нынешняя эпоха – это эпоха всеобщего свинства. Вас избаловали женщины. Вам повезло: Первая жена простит Вам вторую, а вторая простит третью. Третья будет любить вас еще 30 лет после Вашей смерти и добьется издания всех Ваших произведений. Но писатели и политики Вас не простят. Они Вас заклемят, обезвредят при жизни и в гроб загонят. Даже Катаев напишет на Вас фельетон. И ваш задушевный друг Юрий Олеша напишет, лишь бы его не трогали. И Горькому будет не до Вас – у него свои проблемы с женщинами и литературой. Да Вы его и не любите.

МБ: Я его уважаю, как писателя. Если я не смогу писать, пусть лучше мне отрежут голову. Зачем писателю голова с заткнутым ртом?

Ин.конс.: Нет, голову вам не отрежут. Просто не будут издавать, а это еще хуже. Характер у Вас отвратительный. Вы раздражили всех драматургов – Киришона, Афиногенова, Биль-Белоцерковского, Вишневого; всех членов Главреперткома во главе с Раскольниковым, перед которым все заискивают, хвалят его пьесу «Робеспьер», а Вы ему в лицо при всех сказали, что в его пьесе нет ни интриги, ни ярких образов. Теперь он запретит постановку всех Ваших пьес. И в первую очередь, эту злую пародию на всех советских драматургов, «Багровый остров», кажется. Они должны защищаться от Вас, и следовательно, согнать со сцены.

МБ: Но так не бывает. Сегодня моя пьеса идет в лучшем театре страны. Все театры просят у меня новые пьесы и обижаются, если я не даю, как дети, которых оставили без сладкого. Мои повести уже изданы или в наборе. Могу я себе позволить маленькое самомнение. (С сарказмом): Нельзя ли мне немного славы при жизни?

Ин.конс.: Нет, это никак невозможно. В этой стране. Если было бы можно, Вы бы не стали великим.

МБ: А графам Толстым можно?

Ин.конс.: Льва отлучили от церкви, а Алексей дорого заплатил. Он написал «Хлеб» во славу Сталина. Он сам говорит, что он теперь не Алексей Толстой, а рабкор-самородок Потап Дерьмов, грязный бесчестный шут. Ведь Вы же на такое не согласитесь. Писатель Толстой надел личину, а Вы все пытаетесь сохранить лик. Да и времени у Вас в обрез.

МБ: Я же согласен писать что угодно. Это моя профессия писать драмы, комедии, наконец, инсценировки, ради куска хлеба. Этот мир мой. Да, я был за «Белую гвардию». Но они проиграли и к власти пришли красные. Такова объективная историческая реальность. Разве я не понимаю это. Я хочу быть писателем и, следовательно, должен служить победителям. Все мои вещи не против советской власти. Я над схваткой и строго слежу за сохранением исторического равновесия.

Ин.конс.: На политической сцене невозможно сохранить равновесие. Вас в конце концов подтолкнут и Вы напишете пьесу о Сталине. Еще лучше, чем «Хлеб» Толстого. Только вы не умеете без подковырки. А он тонко чувствует все, что касается его лично. Не обижайтесь на мое пророчество. Так будет. Я часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо.

(Темнота. Ин.конс. и Катаев исчезают. Музыка из «Фауста» обрывается). Репродуктор объявляет: «Через минуту слушайте экстренный выпуск сообщений с 15 съезда Всесоюзной коммунистической партии большевиков». Свет, снова жаркий светлый вечер. На скамейке сидят МБ и Люба)

Люба: Ну что с тобой поделаешь? Я согласна.

Сон третий

Гостиная в маленькой квартирке Булгакова. Телефон на стене на переднем плане. Люба сидит за пишущей машинкой. МБ в халате и домашних тапочках ходит по комнате.

МБ: Все, Любанга! Приехали. «Багровый остров» и «Зойкина квартира» запрещены. «Турбинных» снимают с репертуара. Ни одной моей строчки в России больше не печатают,

Люба: Но в Германии и Франции тебя издают, а пьесы собираются ставить.

МБ: Только платить мне не собираются. Гонорары получает этот жулик Кагановский. А поехать и отобрать их через суд я не могу, за границу меня не выпускают. Положение хуже губернаторского. Нам скоро нечего будет есть.

Люба: Не горячись, Мака. Надо налаживать отношения, хотя бы с теми, с кем ты еще не успел их испортить.

МБ: Я и вправду обидел, кого не хотел. Чего на меня Варя взъелась? Тальберг списан с ее мужа, но ведь это только внешне. С кого-то я же должен списывать персонажи, как положительные, так, к сожалению, и отрицательные.

Люба: С Варей ты разберешься, все-таки родная сестра.

МБ: Тут еще приходил этот бородатый комсомолец Безыменский с претензией к «Белой гвардии». Зачем я оскорбил память его погибшего на гражданской войне брата, выставив белых офицеров благородными.

Люба: Что делать, если из всех твоих произведений, как чертовы рога, высовывается твоя симпатия к дворянскому сословию и к белым.

МБ: За писателем, как бы он ни старался, всегда, как тень встает его класс. Это они правы. Из каждой строчки гениального Пушкина его класс глядит лукаво подмигивая. И я не могу себя переделать. Вот мне передавали, что Сталину понравилась моя пьеса «Бег», но он считает, что нужно дописать девятый сон, в котором показана сила и победа большевиков. Но я не могу.

Люба: Ты можешь себе позволить быть самим собой. Ты доказал, что тебя не сломили ни голод, ни холод, ни болезни. Ведь все это было совсем недавно.

МБ: Я тогда чуть не погиб. Но я перенял защитные приемы в обоих лагерях. Я оброс мандатами, как собака шерстью.

Люба: Может быть все еще наладится?

МБ: Нет. Похоже прав был этот иностранный консультант с копытом. Говорить правду в глаза в литературной среде не принято. Но если и вправду все что я пишу не увидит света при моей жизни, зачем тогда жить?

Люба: Ты же начал писать письмо Сталину и членам правительства. Вот у меня заложено в машинку. Мы остановились на: «обращаясь к гуманности советской власти, прошу великодушно отпустить меня на свободу, поскольку более не могу быть полезен у себя в отечестве».

МБ: Нет, это слишком мягко сказано. Пиши. «Я прошу правительство СССР приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР в сопровождении моей жены Любви Евгеньевны Булгаковой». Написала?

Люба (печатает): Готово.

МБ: Несмотря на свои великие усилия стать бесстрашно над красными и белыми, несмотря на успех моих произведений в стране и за рубежом, я удостоился в печатных изданиях только неистовой брани и аттестат врага-белогвардейца. В таком звании можно считать себя конченным человеком, обреченным на пожизненное молчание. Прошу Советское правительство хотя бы дать мне работу по специальности в качестве штатного режиссера в Московском Художественном театре.

(Резкий стук в дверь. Не дожидаясь ответа входят следователь и двое понятых.)

Следователь Славкин: Квартира гражданина Булгакова? Я имею предписание прокурора города Москвы произвести у вас обыск, дознание и изъятие материалов, относящихся к вашей писательской деятельности.

Люба: Мака, только не волнуйся, всех уже обыскивали, и ничего.

МБ: Главное – не терять достоинства

Понятые маячат в дверях. Славкин достает из портфеля длинную спицу и начинает прокалывать ею кресла.

МБ: Ну, Любаша! Если твои кресла взорвутся или выстрелят, я не отвечаю.

(МБ и Люба нервно смеются. Следователь подходит к полкам с книгами.)

Славкин: Напрасно вы несерьезно относитесь к нашей работе. Мы имеем донесение, что вы пишете ярко выраженные антисоветские пьесы и повести. Под давлением общественности они сняты с репертуаров наших театров. Но на литературном собрании в доме Евдоксии Никитиной вы читали также антисоветскую повесть «Собачье сердце». (роется в рукописях на полке). Мы должны выяснить, содержатся ли высказывания, враждебные советскому общественному строю, в этих записях.

МБ: Это мои дневниковые записи. Они не предназначены ни для печати, ни для цензуры.

Славкин: Мы это проверим. (*собирает рукописи в мешок*). В случае необходимости мы вас вызовем в ОГПУ. До свидания. (*уходит*).

(Телефонный звонок)

Голос Олеси (с грузинским акцентом): Товаришч Булгаков хачу. Говорит товариш Сталин. Ви што хатите?

МБ: Это ты, Юра? Нашел время шутить. Сообщить что ли в одно учреждение, что Юрий Николаевич Олеша хочет быть вместо товарища Сталина?

Голос Олеси: Да ладно тебе. Пошутить нельзя что ли? Как дела?

МБ: Шутки с правительством, Юрочка, теперь еще более глупы и неприличны, чем с женщинами. Так что лучше шути с женщинами, хотя у тебя и это не получается. Прости, я сейчас занят. (*Вешает трубку, уходит в спальню*)

(Занавес)

Сон четвертый

(Та же квартира Булгакова. Телефонный звонок. Подходит Люба)

Телефонный разговор в зал: Квартира Михаила Афанасьевича Булгакова?

Люба (усталым голосом): Слушаю. Это опять ты, Юра?

Телефон: Нет. Это секретарь Иосифа Виссарионовича Сталина Товстуха. Могу я попросить к телефону Михаила Афанасьевича?

Люба: Мака! Иди скорей. Звонок от Сталина,

МБ (из спальни): Пошли его к черту. Опять кто-то дурака валяет.

Люба: Да нет, правда.

МБ подходит к телефону, раздраженно берет трубку: Да.

Телефон: Сейчас с Вами товарищ Сталин будет говорить.

МБ: Что? Сталин? Сталин?

Голос Сталина с грузинским акцентом: Да, с Вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков.

МБ: Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

Сталин: Мы Ваше письмо получили. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда – вас пустить за границу? Что – мы Вам очень надоели?

(Долгая пауза)

МБ: Я очень много думал в последнее время – может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

Сталин: Ви прави. Я тоже так думаю. Ви где хотите работать? В Художественном театре?

МБ: Да, я хотел бы. Но я говорил об этом и мне отказали.

Сталин: А Ви подайте заявление туда. Мне кажется, они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с Вами . . .

МБ: Да, да, Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с Вами поговорить.

Сталин: Да, нужно найти время и встретиться обязательно. А теперь желаю Вам всего хорошего.

(Короткие гудки. Булгаков ошеломленный садится в кресло)

МБ: Люба! Что это со мной было? Я ничего не успел сказать.

Люба: И хорошо, что не успел. С твоим языком ты мог бы все испортить.

(Стук в дверь. Входит Елена Сергеевна. Целуется с Любой)

ЕС: Здравствуйте, дорогие мои. Миша, что с Вами? У вас вид невинного младенца.

Люба: Не шути, Люся. Ему только что звонил по телефону сам Сталин.

ЕС: Может быть это был Юрий Олеша или Ильф?

Люба: Нет, Олеша звонил голосом Сталина неделю назад, еще до смерти Маяковского. Вряд ли кто-то станет так шутить на следующий день после похорон.

МБ: Здравствуйте, Люся. Видимо Сталин решил предотвратить мое самоубийство. А то, знаете, два писательских самоубийства подряд плохо характеризуют интеллектуальную жизнь страны. Сталин мудрый человек и он правильно делает свое дело.

ЕС: В данном случае, по-видимому так.

МБ: А в других случаях его подводят приближенные сволочи. Как бы я хотел, чтобы он стал моим первым читателем и цензором. Тогда все эти критики заткнулись бы сразу.

(Телефонный звонок. МБ хватается трубку)

МБ: Ну и денек сегодня. Если это не Луначарский то наверняка Станиславский. *(В трубку)* Да, да. Нет, не возражаю. На той неделе принесу. Благодарю . . . Всего хорошего. *(Вешает трубку)*. Звонили из театра. Из МХАТа. Просили срочно принести заявление о приеме на работу.

Люба: Ну, раз такое дело, я быстро сбегаю в магазин, пока не закрылся.

(Люба быстро собирается и уходит. МБ подходит к ЕС и нежно целует ее).

МБ: Я не могу без тебя жить

ЕС: И я тоже.

МБ: Тогда дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках.

ЕС (со смехом): Конечно, конечно, ты будешь умирать у меня на груди.

МБ: Не смейся, это редко бывает, но я говорю очень серьезно.

ЕС (серьезно, целуя его): Конечно, клянусь.

(Занавес. Конец первого действия)

Действие второе

Сон пятый

Кабинет на Кунцевской даче Сталина. Ковры на полу и на стенах. Дверь из кабинета в спальню открыта. Светло, 4 часа дня. Тихо звучит грузинская музыка («Сулико»). Из спальни слышны голоса.

Женский голос: Иосиф Виссарионович! Иосиф. . .

Голос Сталина: Ти должна мне помогать.

Женский голос: Не беспокойся! Я сама! Я сама. . .

Голос Сталина: Ты красивая. Возбуждаешь, горячишь кавказскую кров.

Женский голос: Я сама! Я сама. . . Иосиф.

(Музыка. Пауза. Из двери спальни выходит Сталин. Он в халате, бососиком, садится в кресло у столика с телефонами.)

Сталин: Когда кипит кров, ей нада дать возможность остыть. И найти благоприятный выход.

(Выходит Алла. Она в красивой ночной сорочке, босиком)

Алла: Иосиф Виссарионович, Вы такой молодой, горячий.

Сталин: Когда тебе хочется, ты умеешь ласкать. Но вам, артисткам, нельзя верить. Правду у вас все равно не узнаешь. Ты и на сцене также хороша. Я часто приезжал на тебя посмотреть в «Днях Турбиных».

Алла: Мне говорили 15 раз. Что, хороший спектакль?

Сталин: Что значит «хороший спектакль»? Конечно, спектакль неплохой. Но это ж не балет. Кто же смотрит по 15 раз драматический спектакль? На тебя приезжал посмотреть.

Алла: Спектакль теперь закрыли. А ведь Елена была моей лучшей ролью. «Турбины» шли по 10-15 раз в месяц и приносили театру почти половину сборов. Почему хороший спектакль сняли?

Сталин: Если ты хочешь, я попрошу спектакль возобновить. Послушай, все драматурги и писатели ополчились на этого Булгакова. Пишут мне письма, что он белогвардеец. . Но пусть он идет только в одном твоём театре, играй, я буду приезжать на тебя посмотреть, А после спектакля – ко мне.

Алла: Спасибо, Иосиф Виссарионович. Станиславский считает, что Булгаков блестящий драматург. Говорит, «не отдам его Мейерхольду, мы его сами исправим». Но сейчас Булгаков совсем сник, все его пьесы запретили.

Сталин: За твое хорошее поведение, что хочешь попросить для него?

Алла: Он просится поехать за границу на месяц. Его не пускают.

Сталин: Все знаю. А ты понимаешь, что если он там останется, да начнет еще что-то писать против советской власти, твой спектакль придется совсем закрыть. И даже я не смогу тебе помочь.

Алла: Но как-то надо его ободрить. Вот вчера Маяковского похоронили, Конечно, формально он застрелился из-за нашей артистки Полонской. Но ведь не только это. Говорят у него была сильнейшая депрессия на почве разных литературных и политических неприятностей. Вы знаете, Иосиф Виссарионович, ведь и Булгаков может такое же сотворить. Тем более, у него сейчас новый трудный роман с женщиной.

Сталин: Маяковского жаль. Талантливейший наш поэт, советский. А с Булгаковым ми это не допустим. Раз он тебе нравится, это будет тебе наш подарок. *(Снимает телефонную трубку).* Иван. Соедини меня с писателем Михаилом Булгаковым. Сразу сейчас. Как найдешь его, позвони мне. *(Кладет трубку. Алла:)* Только ты с ним в постель не ложись. Я все равно узнаю.

Алла: Что Вы, Иосиф Виссарионович, после Вас я и с мужем не лягу.
(Садится у его ног на ковер, обнимает его колени)

Сталин: С мужем можно. А то догадается.

Алла: Что Вы, Иосиф Виссарионович, я понимаю. Никто никогда не узнает.

(Тихий звонок телефона. Сталин берет трубку)

Сталин: Давай. *(Алле)* Как его зовут?

Алла: Михаил Афанасьевич.

Голос МБ: Что? Сталин? Сталин?

Сталин: Да, с Вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков.

Голос МБ: Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

Сталин: Ми Ваше письмо получили. Ви будете по нему благоприятный ответ иметь. . . А может быть, правда – вас пустить за границу? Что ? Мы Вам очень надоели?

(Долгая пауза. Сталин похлопывает Аллу по плечу и подмигивает ей)

Голос МБ: Я очень много думал в последнее время – может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

Сталин: Ви прави. Я тоже так думаю. Ви где хотите работать? В Художественном театре?

Голос МБ: Да, я хотел бы. Но я говорил об этом и мне отказали.

Сталин: А Ви подайте заявление туда. Мне кажется, они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с Вами . . .

Голос МБ: Да, да, Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с Вами поговорить.

Сталин: Да, нужно найти время и встретиться обязательно. А теперь желаю Вам всего хорошего. *(Кладет трубку).*

Алла: *(Целует Сталина)* Спасибо. Это доброе дело.

Сталин (берет трубку другого телефона, нажимает кнопку): Писателя Булгакова не трогать. Нет. Не арестовывать ни в коем случае, но за границу не выпускать. Ни в коем случае. *(Кладет трубку. Алле)* На пути нашем не будет остановок и привалов. Ми идем дальше. Алка, девочка, ти красивая и ласковая. Мне трудно сдержаться себя. *(Подталкивает ее к двери в спальню).* Артистка. Будешь нашей народной.

(Занавес)

Сон шестой

Булгаков у себя в кабинете пишет за письменным столом. Звучит романс

Поцелуй твой, холодный, как снег.

Он растаял, как снег на губах.

Но смутил мою душу твой смех,

Оборвал мое сердце твой страх.

Оборвал мое сердце твой страх.

Не спеши возвращаться назад.

Я тебя не зову, не спеши.

Я развесил твои образа

По углам своей черной души.

Перед ними я свечи зажег,
Я молюсь им и ночью, и днем,
Да не знаю кому, то ли Бог,
То ли дьявол ты в сердце моем.

Верно, дьявол ты в сердце моем.

(*Стук в дверь*).

МБ: Да, да. Входите, открыто.

(*Входит Шиловский в форме генерала. Подходит к столу Булгакова, достает из кобуры револьвер, садится и кладет револьвер около себя на стол*).

Е.Шиловский: Михаил Афанасьевич! Я человек военный, привык говорить прямо. Жена сказала мне, что любит Вас и хочет уйти из семьи. Мы прожили с ней счастливую жизнь. Два прекрасных сына. Я люблю ее нежно и предано. Я отбил ее у своего адъютанта и для меня нет и не будет в мире другой женщины. Я готов на все, даже на это (*показывает на револьвер*). Я решу эту проблему так или иначе, но жить без Люси я не смогу.

МБ: Я Вас понимаю. И глубоко Вам сочувствую. Но это ее решение и ее выбор. Все будет так, как она захочет.

ЕШ: Если она уйдет к Вам, я детей не отдам. А без детей она не уйдет. И она честная женщина: если она останется со мной и с сыновьями, она не станет с вами встречаться, не будет подходить к телефону и читать Ваших писем. Но все-таки она женщина, и если Вы будете ее преследовать, домогаться, вы превратите в ад, разрушите ее, мою и свою собственную жизнь.

МБ: Я люблю ее и подчинюсь любому ее решению. Все будет так, как она захочет.

ЕШ: Мы с ней договорились, что она остается с детьми. И вы не должны с ней видеться. Я Вас честно предупредил о последствиях. (*Забирает со стола револьвер*). Прощайте. (*Резко поворачивается и уходит*)

(*Звонит телефон. МБ подходит и снимает трубку*)

МБ: Да, Паша (*Попов*)? Ты вовремя позвонил. Что делаю? Ужасно. Делаю то, что делать невозможно. Отпускаю к мужу Лену. Инсценирую «Мертвые души». . . . Да я и не брался за это. Я уже не распоряжаюсь ни одним своим шагом. Меня взяли во МХАТ и назначили ассистентом режиссера на «Мертвые души». Поскольку это 161-я инсценировка, я придумал новый ракурс: действие начинается в Риме, откуда Гоголь, из прекрасного далека, увидел чичиковскую Россию. . . . Что было с Немировичем, когда он прочитал? Он был в ужасе. Был великий бой. . . . Нет, спектакль этот не выйдет никогда. Но Рима моего мне жаль. . .

(*Гаснет свет. В другом углу сцены высвечивается кабинет ОГПУ*)

Славкин (докладывает по телефону): Булгаков известен как автор ярко выраженных антисоветских пьес, которые под давлением общественности

сняты с репертуаров всех театров. Советское Правительство дало ему возможность работать во МХАТе, так как оно проявляет внимание даже к своим идеологическим противникам, если они выражают желание честно работать. Но давать ему руководящую роль в такой постановке как «Мертвые души» крайне неосмотрительно и опасно . . . Да, это донесение нашего агента номер Б-6- СПО от 29 сентября 1930 года. . . Если Булгаков останется руководителем постановки, это будет антисоветский спектакль, в котором наше время будет якобы кривым зеркалом эпохи царя Николая I. . . Ну что? Будем брать этого неуместного сатирика? . . . Есть пока не трогать.

Снова кабинет Булгакова, но другой, так как прошло полтора года. Входит Елена Сергеевна. В руках у нее зубная щетка.

МБ: Люся! Ты пришла? Как же долго тебя не было. Но я люблю тебя безумно, как прежде.

ЕС: Мака! Евгений Александрович чудесный, благороднейший человек. Таких больше нет на свете. Он необыкновенный.

МБ: Ты пришла мне сказать, что снова любишь его?

ЕС: Я пришла сказать , что он отпустил меня к тебе. И младшего, Сережу, отдал – мальчик будет жить с нами. А старший, Женя, остается пока с ним, но мы будем видеться.

МБ: Только поклянись мне, что умирать я буду у тебя на руках.

ЕС: Но ведь ничего не изменилось. Я клялась тебе 20 месяцев назад.

МБ: Клянись снова. Это очень серьезно. Я посвящаю тебе свой закатный роман. Я должен дописать его прежде, чем умереть. А издавать его будешь ты.

(Обнимаются и целуют друг друга. Занавес)

Сон седьмой

Внутренность часовни. МБ разговаривает со своим отцом Афанасием Ивановичем.

МБ: Прости, отец, я так редко о тебе вспоминаю. Почему ты так рано умер?

АИ: Нефросклероз. Я прожил всего 48 лет. Прости, болезнь наследственная – ты проживешь столько же.

МБ: Я врач и знаю это. Потому и не завожу детей.

АИ: Ты был хорошим врачом. Зачем же ты бросил это богоугодное дело чтобы стать богохульствующим писателем?

МБ: Из врачей получают самые лучшие писатели, такие как Чехов, Вересаев, Горин. Может быть потому, что они не боятся делать вскрытия мертвых и оперировать живых. Я бывший врач, но теперь я писатель.

АИ: На все воля Божья. Я знаю, ты не веришь ни в Бога, ни в черта. Как так получилось, Миша? Я учил тебя вере, великому творению – Библии. А ты переиначил все Евангелие. Ты написал богохульный роман «Мастер и Маргарита». Там распутное увлечение нечистой силы, унижение Христа, как будто увиденного глазами Сатаны. Как ты посмел написать «Евангелие от Михаила Булгакова»? Ты что Апостол?

МБ: Отец, я помню, что я сын профессора Духовной Академии. Но ты, отец не видел того, что пришлось увидеть мне. В нашем Киеве в 18-м году кровь текла рекой. Убивали самых честных, достойных, благородных, а также несчастных. Если бы был Бог, он бы не допустил того, что было тогда, да и потом в России.. Я больше не могу верить в этого Бога. Его, по-видимому, нет, папа.

АИ: Бог есть. Он должен быть у каждого в душе.

МБ: Я видел слишком много душ, в которых не было бога и в помине,

АИ: Но ведь кто-то же был, кто создал и питал веру. Иисус Христос был.

МБ: Да, в моем евангелии нет ничего исторически недостоверного. Еще в юности я пришел к отрицанию божественной сущности Христа. Я неверующий, не связан с библейскими канонами. Я трактую Евангелие как реально произошедший в истории факт. Да, я верю, что такой человек был. И он достоин поклонения. Только не он управляет миром.

АИ: Кто же, по твоему, управляет?

МБ: А управляют Понтии Пилаты. Только не по своей воле. Ими движет непреодолимый страх потерять власть. И под диктатурой этого страха они совершают страшные преступления, необъяснимые с точки зрения божественной справедливости . . .

АИ: Лучшие, благороднейшие люди проповедуют учение Христа. Ты их знал и уважал с детства. Пусть не все они умны и праведны. Разве в твоей жизни ты не знал достойных священнослужителей?

МБ: Почти не встречал. Как правило, таких дураков, как наши попы, нету других на свете. Срам, а не попы. . .

(Затемнение. Крытая колоннада между двумя крыльями дворца Ирода Великого. В кресле на мозаичном полу у фонтана сидит Понтий Пилат. Это Сталин с усами, в римской тоге и в короне с кокардой. Перед ним стоит в современном костюме с моноклем в глазу Мих. Булгаков.

Понтий Пилат: Так это ты хочешь защитить того бродягу, который подговаривал народ разрушить Ерушалаимский храм?

МБ: Ты же знаешь, Игемон, что он ни в чем не виноват. Он проповедует свои истины, а священники храма взъелись на него за то, что народ его слушает.

ПП: Нам не нужны его истины. У нас свои истины и священники знают как внушить людям веру и послушание верховной власти.

МБ: Он проповедник, Игемон. Требовать от него, чтобы он согласовывал свои проповеди со священниками в храме все равно что требовать от рыбы отказаться от воды. Всегда проповедники будут бороться с цензурой – это их право.

ПП: Я обязан утвердить смертный приговор Синедриона. Иешуа социально опасный элемент. У нас свои правила игры. Я сам внедрил фискальную систему контроля за мыслями. И сам живу под давлением страха, созданного Римом, под его духовной диктатурой и системой насилия.

МБ: А если твой приговор несправедлив?

ПП: Не на все моя воля. Они там только и ждут чтобы я оступился.

МБ: Наверно ты мудро и правильно делаешь свое дело, но зачем такая жестокость?

ПП: Я тоже хотел быть поэтом, писал вирши и мечтал, чтобы люди пели мои песни. Это была плохая литература, и я совсем не жажду из опубликовать. Я стал мастером совсем другого дела. Оно требует беспощадности. Но это не значит, что я, как и вы, не жажду аплодисментов, поклонения и верности моим идеям. Я, как и Вы, требую, чтобы мои артисты не несли отсебятину, а строго исполняли те роли, которые я им предписал. Я, как и вы, отстаиваю свой сценарий. Иногда мне приходится вводить новых актеров, заменять тех, кто неспособен понять мою драму. А вы как думали? Мне легче, чем Вам заставлять их работать для их же счастья и славы?

(Затемнение. Освещаются театральные кулисы. На перевернутой декорации сидит Булгаков. Мольер бежит по сцене.)

МБ: Вот ты великий драматург и великий подхалим, восславивший короля Людовика со всей силой своего блестящего таланта. Как ты мог так унизиться, ради чего?

Мольер: Не смей меня. Несчастны сильные мира сего: как часто они строят замки своей славы на песке. Я знал, что слава Людовика окажется бледной тенью моей славы. И мне не жаль было расточать ему похвалы. Они обходились мне так дешево, а ценились им так дорого, что я мог на его милостях содержать целый театр, смеяться надо всем светом, писать комедии и играть на сцене! Если Париж стоит мессы, то тем более, театр стоит благодарственных куплетов королю. Да честно говоря, я напел ему столько славы, что, поверишь ли, сам искренно полюбил его. А как же иначе? Ты же сам говорил, что своих героев надо любить.

МБ: Все ты переиначил в своей жизни. Ты был великим комедиантом, а все пытался безуспешно играть трагедии.

Мольер: А ты? Ведь и ты тоже. Но я знаю, кто надел на себя маску клоуна, тот уже никогда ее не снимет.

МБ: Ты прав, коллега. В сущности, и я должен любить своего короля. Ведь он спас меня от самоубийства. Как знать, скорее всего Маяковский не застрелился бы, если бы наш король тогда позвонил ему и сказал при жизни хотя бы половину сказанного после смерти: мол ты лучший, талантливейший поэт нашей эпохи.

Мольер: При жизни никогда не говорят и половины того, что после смерти. Ведь и я при жизни был жалким актеришкой, прелюбодеем, женившимся на своей собственной дочери. Согласно клевете, которую ты же и раздул.

МБ: Я тоже прелюбодей. Я вижу и описываю свою третью жену в эротическом свете – голой и соблазнительной.

Мольер: Но меня-то за что ты выставил посмешищем в глазах добропорядочных людей?

МБ: Прости меня, но не будь этой скользкой сюжетной линии с женитьбой Мольера на дочери или актрисе, которая годится ему в дочери, никто бы не стал смотреть мою пьесу о великом и несчастном Мольере. Может быть вопреки действительной правде твоя женитьба на дочери была. Иначе, почему бы восторжествовала Кабала святош? Почему королю пришлось тебя прогнать?

Мольер: Но это подлая клевета. И ты лучше других знаешь это.

МБ: А как же «Моцарт и Сальери» Пушкина. Кто знает, был ли яд. Но по законам сцены, с точки зрения логики и занимательности сюжета, яд был. И «Роковые яйца» были.

Мольер: Я знаю, правду можно немного приукрасить и высмеять совсем не смешное. Надо только знать зачем.

МБ: Я написал театральный роман – «Записки покойника». Я замаскировался, как только мог, под покойника. И что же ты думаешь? МХАТ в бешенстве. Они говорят, что мой театральный роман – единственное свидетельство о театре, которое достанется потомкам. А их бессмертные творения на сцене забудут безвозвратно. Но театр сотворил мне столько гадостей, несмотря на то, что моя пьеса приносила им славу и деньги. Да роман и не напечатают никогда, как и «Жизнь господина де Мольера», и как все остальное.

Мольер: Не прикидывайся. Ведь ты пишешь для себя, твоих возлюбленных и друзей. Какое дело тебе до остального мира? Ты не все в нем понимаешь и не все можешь объяснить.

МБ: Ты прав. Кто и как объяснит звонок Сталина мне? И почему он не хочет со мной встретиться? Я знаю, он считает меня мастером, иначе не позвонил бы. Я могу все ему объяснить, А если это не так, то почему я все еще на свободе, когда арестованы почти все мои друзья и враги, когда я знаю, что и те, и другие готовы оклеветать меня на Лубянке, настучать принудительно, или даже добровольно? И то что я торчу в этой Богом проклятой стране с диктатурой этого малограмотного, наглого пролетариата? Пусть мне кто-нибудь все это логично, достоверно объяснит. Я прощу ему любую фантазию.

Мольер: Ты же сам все объяснил. Это ты разыгрывал перед друзьями сцену «Приходит Булгаков к Сталину». Покажи мне ее.

МБ: Приходит Булгаков к Сталину усталый и унылый.

- Садись, Миша, Что ты грустный? В чем дело?

- Да вот пьесу написал.

- Так радоваться надо, когда целую пьесу написал. Зачем грустный?

- Театры не ставят, Иосиф Виссарионович.

- А где бы ты хотел поставить?

- Да конечно во МХАТе. Иосиф Виссарионович.

- Театры допускают безобразия. Не волнуйся, Миша, садись.

Белгаков-Сталин берет телефонную трубку: - Барышня! А барышня! Дайте мне МХАТ! МХАТ мне дайте! Это кто? Директор? Слушайте, это Сталин говорит. Алло! Слушайте!

Булгаков-Сталин сердится, сильно дует в трубку. – Дураки там сидят, в Наркомате связи. Барышня! Дайте мне еще раз МХАТ. Слушайте, только не

бросайте трубку! Это кто? МХАТ? Это Сталин говорит! Где директор? Как умер?
Только что? Скажите, пожалуйста, какой нервный народ пошел, Пошутить нельзя!

Мольер весело смеется, хлопает Булгакова по плечу. Оба хохочут.

(Занавес)

Сон восьмой

Звучит романс «Когда-нибудь»

Когда-нибудь, когда-нибудь

И я отправлюсь в дальний путь.

И я, как все, пойду в расход,

И оборвется жизни нить,

Или устану от невзгод,

А может быть устану жить.

И время станет ускользать,

Не поддаваясь суете.

Твои влюбленные глаза

Я не увижу в темноте.

Когда-нибудь, когда-нибудь

Растает жизни соль и суть.

И я любил, и я грешил,

Не веря в рай, не веря в ад,

В переселение души

И в спиритический обряд.

Меня забудут и простят,

Как мир покинувших уже,

Средь неопознанных солдат

И неоформленных мужей.

Когда-нибудь, когда-нибудь

Я позабуду долг вернуть.

Из памяти исчезнет вдруг

Созвездье дат и адресов,

И имена моих подруг,

И козни злобные врагов,

И имена друзей моих,

Мне все отвесивших сполна,

Ведь помнить некому ни их,

Ни всех ушедших имена

Когда-нибудь, когда-нибудь.

Увы, себя не обмануть.

Умолкнет слава наших дней,

Сотрут героев имена,

На пьедесталах всех вождей

Иные выбьют письма.

И вечной правды торжество

Не победит, конечно впредь.

О нас не вспомнят ничего,

И значит не о чем жалеть.

Когда-нибудь, когда-нибудь. . .

(Преисподняя. На сцене большой котел. Из под крышки торчат головы Жданова и Суслова. К котлу подходит Сталин. В руках у него небольшая вязанка дров, которую он подкладывает под котел. На другом конце сцены сидит Булгаков за компьютером и что-то пишет на нем.)

Сталин (обитателям котла): Сейчас, товарищи, будет немного жарко, но такова суровая необходимость. А где современные наши товарищи-коммунисты?

Жданов и Суслов(хором): Ждем-с, товарищ Сталин. Должны прибыть следующим эшелонам.

Сталин: Хорошо. Такова суровая необходимость. А где другие наши идеологические работники?

Жданов: Кто где, товарищ Сталин. Зощенко и Ахматова, к сожалению, почему-то в раю.

Суслов: Симонов с Твардовским тоже туда попали за публикацию романа товарища Булгакова «Мастер и Маргарита». Вопреки постановлению Центрального Комитета.

Сталин (подходит к Булгакову): А Ви, товарищ Булгаков, как здесь оказались?

МБ: Я, Иосиф Виссарионович, продал душу дьяволу.

Сталин: Зачем продали?

МБ: Так выхода ж не было. Оставалось только это. Вам наверно докладывали. Впрочем, он оказался приличней Вас. Если покупал душу, так хоть не бил, не пытал и в ГУЛАГ не отправлял. А этим, примкнувшим к вам, адские муки были уготовлены еще на том, то есть, живом свете.

(Появляется следователь Славкин. В руках у него папка с «делом».)

Славкин: Телеграмма бухгалтеру! Телеграмма бухгалтеру!

МБ: Извините, Иосиф Виссарионович, это опять мне. Тогда в поезде на Батум тоже проводник так меня вызывал. Оказалось, Вы пьеску мою забраковали.

Сталин: Нельзя, товарищ Булгаков, такое лицо, как Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова.

(Звучит музыка. Красны всполохи, зарницы. Начинается бал. На трибуне появляются Иностраный консультант и голая Маргарита.)

Ин.конс.: Родная моя! Вам не холодно в таком экзотическом наряде, хотя он вам страшно идет?

Маргарита: Мне тепло при виде этого котла. Чем же его топят?

Ин.конс.: Старыми рукописями, разумеется.

Маргарита: Рукописями мастеров? Но ведь это ужасно.

Ин.конс.: Рукописи не горят. Они хранятся на Лубянке. Навечно. Потому что тех, кто их туда притащил, репрессировали те, кто их регистрировал и складывал. А этих репрессировали те, кто их в глаза не видел. А последних – те, что уволились и занялись коммерческой деятельностью.

(Сверху по веревкам спускаются писатели: Катаев, Петров, Ильф и Маяковский.)

Петров: Скажите, а постановление о нецелесообразности публиковать нас с Ильфом уже отменили?

Ильф: Куда девались все наши перлы? Меерович-Доченькин так никому и не понадобился.

Маяковский: Как говорят, инцидент исперчен,
Любовная лодка разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете. И не к чему перечень
Взаимных болей, бед и обид.

Булгаков! Хотите партию в бильярд? Ставлю «Хорошо».

МБ: Идет. Ставлю «Дон Кихота».

Катаев: Миша! А я женился очень удачно. И все покрылось «Травой забвения».

Ин.конс.: У кого покрылось, а кого во всех странах опубликовали.

МБ: Попробуйте меня от века оторвать. Но увидел я новое небо и новую Землю. Ибо прежнее небо и прежняя Земля миновали. И живут на той новой Земле мои прежние пьесы, повести, мой закатный роман и даже «нехорошая квартира номер 50». Все случилось так, как предсказал иностранный консультант с копытом. А все-таки жаль, что рукопись моя 30 лет пролежала неопубликованной. Ведь я же дописал, прежде чем умереть.

Маргарита: Мака! Все опубликовано. Ведь я же поклялась тебе.

(Занавес. Конец)